

ЕЩЁ РАЗ О СООТНОШЕНИИ ЗАЛОГА И ВИДА: СВЯЗЬ КАУЗАЦИИ И ЛАБИЛЬНОСТИ С ПРЕФИКСАЦИЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Александр Летучий, РГГУ

Введение

В своём докладе я сосредоточусь прежде всего на таких парах глаголов, где один член образован от другого путём префиксации, а семантически является каузативом от него.

Известно, что по способу выражения отношения каузации языки мира можно разделить на два больших класса — «каузативные», где исходным, как правило, является некаузативный, непереходный глагол, а каузатив образуется от него специальными средствами (например, тюркские языки) и «декаузативные», где исходным членом пары обычно является переходный глагол, а от него специальными средствами образуется декаузатив. Конечно, это деление является довольно грубым, существуют языки, имеющие продуктивные маркеры как для выражения каузативной семантики, так и для декаузативной (к таким, в частности, относится арабский).

Все индоевропейские (тем более — европейские) языки попадают во второй тип — имея декаузативный маркер — чаще всего возвратное местоимение, расширившее свою семантику — они не имеют регулярных морфологических способов выражения каузации. Исключением является, может быть, только английский, где противопоставление «декаузатив — каузатив» выражается в большинстве случаев внутри одной, так называемой лабильной лексемы (например, *drop* ‘падать’, ‘ронять’). В немецком для выражения каузации может служить умлаут корневой гласной, но этот способ деривации гораздо менее продуктивен, чем образование декаузативов с помощью исходно возвратного местоимения *sich*.

Несмотря на это, некоторые европейские языки развивают механизмы, позволяющие им выражать каузативную семантику. Точнее, это не совсем правильно называть механизмами — как будет показано, каузативное значение скорее является «побочным продуктом» действия правил языка.

В частности, в рассматриваемых мною русском и болгарском языках с выражением идеи каузации тесно связаны глагольные префиксы. Считается, что исходно префиксы несли временную или пространственную семантику, но сегодня во многих случаях она утрачена, и префиксы часто используются для выражения видовых значений — как, например, инхоативное (*за-*: *запеть*, *заходить*), цессативное (*до-*: *донеть*, *доиграть*), и т.д. Кроме того, префиксы связаны с совершенным видом потому, что образуют от глаголов несовершенного вида глаголы совершенного.

Префиксы и переходность

Ни русские, ни болгарские глагольные префиксы, как правило, не служат для выражения только синтаксических преобразований без изменений в семантике исходного предиката. В то же время можно выделить некоторые закономерности, связанные с преобразованием валентной структуры и способов выражения валентностей от исходного к префиксальному глаголу.

В частности, среди префиксальных глаголов транзитивность более распространена, чем среди беспрефиксных. Это можно показать на примере сочетаний глаголов движения с префиксом *пере-*: практически все префиксальные глаголы такого вида со значением ‘X пересекает пространство Y способом Z’ имеют два альтернативных способа выражения валентности пути: с предлогом *через*: *Вася перевёл старушку через дорогу* — и с аккузативом: *Не переходите улицу на красный свет*. Подробный анализ распределения не является нашей целью: можно только

сказать, что вариант с *через* становится единственным при глаголах со значением каузации движения, так как в этом случае прямым объектом становится *causee*: *перевести старушку, перенести ребёнка*.

Особенно заметно предпочтение приставочных глаголов к переходным моделям управления заметно на примере приставки *раз-*. Большинство глаголов с этим префиксом либо переходны, даже если образованы от непереходных (*разработать, разговорить, разглядеть*), либо имеют формант *-ся* (*расплакаться, распеться*).

Схожие закономерности наблюдаются и в болгарском языке. Так, непереходный глагол *работа* 'работать' имеет несколько переходных префиксальных коррелятов — например, *изработя* 'смастерить'.

Среди префиксальных глаголов есть и каузативы от беспрефиксных. К их рассмотрению я сейчас и перейду.

Префиксы и каузация

В болгарском и русском языках можно обнаружить несколько приставочных лексем, семантически являющихся каузативами от соответствующих беспрефиксных. В русском таковы глаголы *напомнить, подружить, разговорить, прогулять* (в разговорном употреблении — *прогуливать собаку*), *влюбить, выгулять, заиграть* (спортивное — *он уже заигран за сборную Брунея*), *засветить* (лампаду), *взвесить, окислить, замедлить, распылить, уверить, обозначить*. В болгарском — *разходя* 'сводить погулять' (от *ходя* 'ходить'), *напия* 'напоить' (от *пия* 'пить'), *разплачам* 'довести до слёз' (от *плачам* 'плакать'), *разиграя* 'заставить плясать' (от *играя* 'плясать'), *провися* 'подвесить' (от *вися* 'висеть'), *подлютя* 'сделать горьким' (от *лютя* 'горчить'), *забърза* 'убыстрить' (от *бърза* 'спешить'), *запозна* 'познакомить' от *позна* 'познать, узнать'.

Пути деривации

Прежде всего заметим, что данные глаголы распадаются на три класса. Одни из них образованы прямо от соответствующих беспрефиксных глаголов. Таковы, например, в русском *напомнить, выгулять, заиграть* и др., в болгарском — *напомня* и *провися*. Этот механизм вообще больше развит в русском языке, чем в болгарском. Каузативная семантика префиксов при таких глаголах тесно связана с их способностью образовывать переходные глаголы от непереходных, а также с актантной структурой приставочных коррелятов.

Так, если взять в качестве примера русские глаголы *обозначить, напомнить* и болгарское *подлютя*, то мы увидим, что префиксы, используемые для их образования, вообще нередко повышают количество актантов исходного глагола. Например, *об*¹ может образовывать переходные лексемы от непереходных (*обежать, обойти*), преобразовывать синтаксически факультативные актанты в обязательные («обделить X-а Y-м» — в отличие от «делить X», где валентность Y может быть не выражена). Префикс *на-* также способен образовывать переходные глаголы (*найти* от *идти*), кроме того, он может добавлять актанты в модель управления переходного глагола («натолкнуть X-а на Y» от *толкнуть*, имеющего только две обязательных валентности — агенса и пациенса). Болгарский префикс *под-* может образовывать переходные отыменные глаголы со значением 'придавать X-у свойство Y', при этом в языке может не быть соответствующего беспрефиксного глагола, например *подкиселявам* 'делать кислым', при отсутствии **киселявам*.

С другой стороны, существуют глаголы со значением каузации, образованные от беспрефиксных глаголов в два этапа: сначала добавляется сочетание «префикс + показатель возвратности», затем рефлексивный маркер исчезает. Такой механизм деривации более распространён в болгарском языке (*разигравам, разходя, забърза, напия, разплачам*), но встречается и в русском — ср. вполне литературные глаголы *подружить* и *сдружить* (*Нас сдружило несчастье*) и употребляющийся скорее окказионально, но тоже встречающийся *влюбить* (*Трудно эту девушку в себя влюбить*).

Как кажется, такой способ деривации довольно необычен: в славянских языках усечение практически никогда не является грамматическим средством. Данное явление связано с необычным статусом возвратного суффикса в тех случаях, когда он употребляется в сочетании с префиксами. Семантика глаголов, образующихся с помощью сочетания приставки и маркера возвратности, не является типологически уникальной — фазовая семантика (*влюбиться*) и значение интенсивности (*распеться*) довольно часто выражаются с помощью показателей актантной деривации — в том числе рефлексива и каузатива.

Однако славянский случай необычен тем, что актантная деривация и значения указанных типов не совмещены в одной морфеме, а выражаются сочетанием морфем. Как показывают для русского языка Е.Р. Добрушина и Д. Пайяр [Добрушина, Пайяр 2001, с. 21], сочетания приставок с постфиксом *-ся* имеют особую семантику, связанную и со значением префикса, и с семантикой *-ся*, показывающего того, что «один из центральных элементов формальной схемы ... отстранён». Однако семантика суффикса в подобных сочетаниях, конечно, преобразуется, скорее он

¹ В докладе я рассматриваю *о-* и *об-* как два разных префикса, следуя предложению М. А. Кронгауза.

довольно часто значит ‘особенно большую степень участия субъекта в действии (*расплясаться* — ‘начать интенсивно плясать’)’. Видимо, примерно то же самое имеет место и в болгарском языке.

При этом возможность образования каузативов с помощью усечения суффикса свидетельствует об особом типе взаимодействия приставки и глагольной основы. Так, лексему *подружить*, если воспринимать её как сочетание глагольной основы с модифицирующей её приставкой, естественно было бы понять как некоторое изменение семантики основы — например, добавление фазового или временного компонента. Так и происходит, например, в случае *полюбить* ‘начать любить’ или походить ‘ходить некоторое время’. Однако этого не происходит, что заставляет подумать об устройстве «залоговой парадигмы» глагола: если известно, что некоторый префикс в силу каких-то причин может образовывать и глаголы с фазовой семантикой (‘начать делать X’), и с каузативной, сочетающейся с фазовой (‘каузировать начать делать X’, поскольку акт каузации часто концептуализуется как моментальное событие, связанное с началом каузируемого состояния), то при понимании префиксального глагола он рассматривается как элемент парадигмы, включающей в себя глаголы с сочетанием префикса возвратного суффикса.

Большее распространение данного механизма в болгарском языке, возможно, является следствием разного статуса показателя возвратности в двух рассматриваемых языках: в болгарском он является клитикой, в русском — морфемой. Очевидно, что для русского языка вообще характерна большая степень грамматикализации возвратного маркера: так, в русском один и тот же показатель функционирует и в качестве прямо-объектного реципрока (биться), и в качестве косвенно-объектного (переписываться), а болгарская клитика изменяется по падежам.

Интересно, что в болгарском языке *се* в совершенном виде может интерпретироваться как часть сочетания «префикс + рефлексивный маркер» даже в тех случаях, когда на самом деле возвратным является и глагол несовершенного вида. От *смея се* ‘смеяться’ образуется *разсмея се* ‘рассмеяться’, а затем — *разсмея* ‘рассмешить’, при отсутствии **смея* ‘смешить’. Можно считать, что здесь показатель рефлексива играет две роли — самостоятельного показателя и части сочетания.

Наконец, третий класс — это пары, где ни один из глаголов не является производным от другого — оба они образованы от имени. Таковы, например, русские *кислить* — *окислить*, *горчить* — *огорчить*, болгарское *лютя* — *подлютя*. Чаще всего исходным именем является прилагательное. Отыменные каузативы, как правило, не рассматриваются вместе с отглагольными, но, как показано в работах [Shibatani 2002] и [Stefanovich 2002], их часто целесообразно соотносить.

Ситуация в русском и болгарском языках показательна тем, что даже лексемы, образованные по «переходной» модели (глаголы и-спряжения в болгарском, глаголы на *-ить* в русском) не всегда являются переходными. Они могут приобретать семантику ‘иметь вкус X’ (*горчить*), ‘вести себя как X’ (*дурить*). С другой стороны, их префиксальные корреляты практически всегда переходны: префикс как бы является дополнительным показателем каузативности и переходности (надо сказать, что в данном случае эти свойства очень близки, как и при образовании каузативов/переходных коррелятов от непереходных глаголов — ср. Сибатани 1999 и 2002 о ситуации в японском языке).

Семантика исходных глаголов

Несмотря на то, что и в русском, и в болгарском префиксальные каузативы немногочисленны, постараемся выделить семантические характеристики присущие корням, от которых они образуются.

Прежде всего, как уже говорилось, часто пары такого рода состоят из отыменных глаголов. Как кажется, в болгарском языке это явление встречается реже. Вообще, для болгарского глагола более релевантно разграничение «переходных» и «непереходных» моделей — ср., например, болгарскую пару *оставя* ‘оставить’ — *остана* ‘остаться’, где противопоставление по переходности выражается только словообразовательным суффиксом и русскую *оставить* — *остаться*, где применяется также показатель возвратности. В русском языке глаголы на *-ить* часто показывают это противопоставление.

Если оставить в стороне отыменные пары, то выяснятся две особенности данного класса глаголов:

- Вполне предсказуемо, что исходные глаголы чаще всего бывают непереходными: одновалентными (*светить*, *вися* ‘висеть’) или двухвалентными (*дружить*).
- Интереснее тот факт, что большинство глаголов имеют одушевлённый субъект. Конечно, есть и исключения (*весить*, *вися*), но обычно это правило соблюдается. Попробуем объяснить, почему дело обстоит именно так.

Достаточно легко объяснить, почему именно от глаголов с одушевлённым субъектом чаще всего образуются лексемы второго типа, использующие усечение возвратного суффикса. Сочетание «префикс + показатель возвратности» чаще применяется именно к таким глаголам. Это естественно, если учесть семантику таких

сочетаний: интенсивность действия — характеристика, релевантная прежде всего для одушевлённых субъектов (особенно если она сочетается с эмоциональной оценкой происходящего).

Некоторые лексемы образуются прямо от глаголов с одушевлённым субъектом (*напомнить*, *выгулять*, *заиграть*, *спомня* ‘помнить’, ‘напомнить’, *запознавая* ‘познакомить’). Здесь, конечно, речь не идёт о лексемах с объектом-пациентом, исходные глаголы имеют субъект-экспериенцер. Совмещение в одной лексеме значений ‘помнить’ и ‘напомнить’ характерно не только для славянских языков — ср., например, карельские *juohuttua* и *mustuttua* ‘вспомнить’, ‘напомнить’. Считается, что в большинстве языков мира более продуктивен каузатив от глаголов с неодушевлённым субъектом. Однако славянские примеры вполне объяснимы: поскольку исходные глаголы являются глаголами состояния и неопредельного действия, а префиксы, как со значением активного воздействия (*на-*), так и с фазовыми значениями (*за-*) плохо сочетаются с такими типами предикатов, они привносят значение каузации. Предикаты с одушевлёнными субъектами наиболее «удобны» для образования лексем со значением каузации, поскольку в этом случае субъект исходного и префиксального глагола близки по семантике. Конечно, такое не требуется в языках с продуктивным морфологическим каузативом, но требуется в славянских языках, где беспрефиксная и префиксальная лексемы, как правило, вообще имеют один и тот же набор актантов.

При этом в составе подобных пар мало глаголов с неодушевлённым субъектом, поскольку они часто имеют рефлексивный маркер (*катиться*, *болтаться*). Каузативный коррелят образуется от лексем *светить*, *весить* и *висеть*, где неодушевлённый субъект не является пациентом, в случае *светить* он даже меняет состояние окружающего мира, то есть обладает некоторыми агентивными свойствами.

Особняком стоит болгарская пара *познавая* — *запознавая*, состоящая из двух предельных глаголов. Здесь, по-видимому, важно влияние корня ‘знать’ с семантикой ментального состояния.

Типы каузации

Поскольку, как мы выяснили, в славянских языках есть группа морфологических каузативов, необходимо понять, какие типы каузации они могут обозначать. Как показывает М. Shibatani [Shibatani 2002], для морфологических каузативов характерна семантика прямой контактной каузации. Это верно и для русских глаголов с каузативным компонентом значения. Так, глагол *разлить* ‘каузировать разлиться’² употребляется чаще всего в ситуации, когда жидкость разлилась из-за движений субъекта, двигаясь вместе с ним: *Я шёл по тропинке, споткнулся и расплескал всю воду*, но не в ситуации, когда некоторое внешнее воздействие заставило жидкость расплескаться: *?Ветер повалил ведро и разлил воду* — лучше *и вода пролилась*.

Морфологические префиксальные каузативы иногда имеют такую же семантику, ср. *повисеть* ‘подвесить’, *засветить* и т.д. Однако, как я уже говорил, нередко префиксальные лексемы со значением каузации образуются от глаголов неопредельного действия (например, движения) и ментального состояния с одушевлённым субъектом. В этом случае семантика контактной каузации ослабляется, хотя полностью не исчезает. Так, болгарское *запознавая* ‘познакомить’ (‘каузировать узнать’) означает ‘каузировать узнать с помощью некоторых своих действий, направленных на субъекта знания (представление людей друг другу)’. *Напомнить* и болгарское *спомня* исходно, видимо, означают ‘каузировать помнить об X-е с помощью своих слов’. Правда, при переносе значение меняется на ‘каузировать помнить об X-е, будучи похожим на него’, то есть теряется значение сознательного действия, направленного на каузацию состояния. Однако появляется компонент ‘естественной каузации’ (то есть предмет Y таков по своим свойствам, что напоминает об X-е).

И среди глаголов, образованных прямо от беспрефиксных лексем, и среди тех, которые образуются усечением возвратного показателя, встречаются глаголы со значением социатива [Shibatani 2001] (также используются термины «ассистив» и «ассоциатив») — ‘X каузирует Y-а делать Z, также делая Z’. Таковы русские *выгулять* и *прогулять* (разг.), болгарское *разходя* ‘прогулять’. Этот тип лексем примыкает к отмеченному в [Добрушина, Пайар 2001] другому типу семантической деривации: от глаголов со значением ‘X совершает P’ образуются лексемы, значащие ‘X совершает нечто над Y-м способом P’. Так, *выгулять* можно интерпретировать не только как ‘каузировать (помогать) X-у гулять, (гуляя с ним)’, но и ‘способом «гулять» выводить X на улицу’ (при разном представлении главным является действие каузатора или каузируемого).

Лексемы, образующиеся усечением возвратного маркера, могут нарушать правило о том, что морфологический каузатив обозначает прямую каузацию. Ср. болгарское *За първи път Шекли се стреми не да възхити, а да вбеси и разплаче от яд читателя* ‘вначале Шекли стремится не восхитить читателя, а заставить его расплакаться от злости’, где каузатор вызывает злость каузируемого, которая заставляет его плакать.

² Хотя морфологически *разлиться* произведен от *разлить*, *разлить* семантически сложнее.

Заключение

Итак, мы рассмотрели случаи из русского и болгарского языков, когда префиксальный глагол обозначает каузацию действия, обозначенного исходной лексемой. Хотя такое значение префиксов встречается редко, удаётся выделить характерные особенности таких пар глаголов. Так, мы выяснили, что деривация может происходить тремя разными способами, и при одном из них префиксальный глагол не является производным от беспрефиксального. Для русского и болгарского языков характерны разные типы деривации. Как оказалось, подобной деривации чаще всего подвергаются непереходные глаголы с одушевлённым субъектом, что не вполне совпадает с ситуацией в языках с продуктивным морфологическим каузативом. Могут выбираться различные типы каузативной семантики, в том числе (в болгарском языке) нехарактерная для морфологических каузативов непрямая (опосредованная) каузация.

Рассмотренное явление соответствует выводу П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper & Thompson 1980] о том, что перфективные глаголы обладают большей переходностью, чем имперфективные. В пределе увеличение переходности даёт каузацию. Такие случаи встречаются не только в славянских языках (ср. немецкую пару *gehen* 'идти', 'проходить' — *begehen* 'проводить') и нуждаются в более подробном изучении, прежде всего — в контексте соотношения префиксации с переходностью.

Библиография

1. Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse. // *Language*, 1980, v.1
2. Shibatani M. Issues in transitivity and voice: a Japanese perspective. // *Типология и теория языка. От описания к объяснению*. Под ред. Рахилиной Е.В. и Тестельца Я.Г. М.: ЯРК, 1999.
3. Shibatani M. The causative continuum. // *Typological studies in language*, v. 48. Ed. Shibatani M. 2002.
4. Stefanovich A. Causative constructions in Akawaio. // *Там же*.
5. Горелик Е.В. Описание глагольной приставки у-. // *Московский лингвистический журнал*. Т. 5, №1. М.: РГГУ, 2001.
6. Добрушина Е.Р., Пайар Д. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы. // *Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство*. М.: Русские словари, 2001. С. 11-253.
7. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: ЯРК, 1998.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: ЯРК, 1996.